

Добровольное рабство? Милости просим!

Мария Сахарова

РОБЕРТ НОЗИК.
*Анархия, государство
и утопия.* М.: ИРИ-
СЭН. 2008. 424 с.

Книга гарвардского профессора Роберта Нозика вышла в США в 1974 году, а доступна русскоязычному читателю (в отличие от книги его теоретического противника Джона Ролза¹) стала только сейчас. За это время «Анархия, государство и утопия» успела наряду с «Теорией справедливости» стать классикой западной политической философии и войти в список обязательной литературы для студентов, осваивающих эту дисциплину. Перефразируя слова автора о книге Ролза, можно сказать: отныне политические философы обязаны либо работать в рамках теории Нозика, либо объяснять, почему они этого не делают. Книга не только стала теоретическим фундаментом либертарианства или, используя более привычную терминологию, неолиберализма, — ее идеи легли в основу «рейганомики» и «тэтчеризма» и до сих пор продолжают воплощаться в жизнь в разных странах.

Скажу сразу: чтение книги как на английском, так и на русском — занятие не из легких. Принадлежность автора к аналитической традиции проявляется и в стиле письма, перегруженного математическими и логическими символами, и в использовании «мысленных экспериментов», и в сухой строгости аргументации. Почему же тогда книга, написанная таким «зубодробительным» языком, оказалась столь популярной, вошла — наряду с творениями Ф. Хайека, Л. фон Мизеса и М. Фридмана — в идеологический катехизис неолибералов и даже была удостоена Национальной книжной премии США?

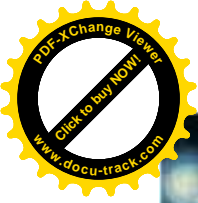
Во-первых, это книга о справедливости и справедливом обществе. В соответствии с трехчастным названием ее выводы можно суммировать так: против анархии, против утопии, за минимальное государство. Во-вторых, в основании концепции автора лежит идея свободы и естественных прав человека, обоснованная с позиции здравого смысла «маленького человека». Нозик с теоретических высот спускается до уровня отдельного индивида и показывает: вас обманывают! Принципы справедливости, которые вам предлагают, если дело касается лично вас, оказываются несправедливы! Автор не занимается морализаторством, он не говорит: «Справедливость — это то-то и то-то». Он предлагает: «Давайте представим... Посмотрите, что получается... Ну не скажете же вы, что это справедливо?..»

Давайте и мы попробуем порассуждать вместе с автором.

Итак, вы согласны, что «люди обладают правом собственности в отношении самих себя¹ и своего труда и имеют право самостоятельно решать, что с ними станет и что они будут делать, а также имеют право пожинать плоды своих действий?» (с. 219). Вы согласны, что «люди обладают правами, и поэтому есть действия, ко-

¹ RAWLS J. *A theory of justice*. N. Y., 1971.
Русск. пер.: Ролз Дж. *Теория справедливости*. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995.

² По-английски это звучит как self-ownership. Другой вариант перевода: самособственность.

Владимир Сальников. Москва. Садовое. 1999. Холст. акрил

торые не может совершить по отношению к индивиду ни отдельный человек, ни группа лиц (без нарушения этих прав)» (с. 11)? Если согласны, тогда придется признать, что привычное для нас государственное «налогообложение доходов, заработанных трудом, эквивалентно принудительному труду» (с. 21б). Ведь как поступает государство? Оно заставляет человека работать на некоторое время (допустим, n часов) больше, чем он мог бы работать для получения определенной суммы, если бы налогов не существовало. Мы так привыкли к этому, что даже не замечаем. Но если вместо уплаты налогов вам предложат, к примеру, раз в неделю бесплатно читать лекции по философии или вести прием в городской больнице для бедных, это вызовет взрыв возмущения. Однако разница-то лишь в форме, и, в сущности, происходит одно и то же: вас заставляют работать на других. И «если люди принуждают вас делать определенную работу или работать безвозмездно в течение определенного времени, то именно они решают, что вы должны делать и каким целям должна служить ваша работа. Этот процесс, в ходе которого они отбирают у вас право принимать решения, превращает их в *частичных владельцев* вас как индивида; это дает им право собственности на вас» (с. 200).

Из этого следует вполне логичный вывод: «Оправдано существование только минимального государства, функции которого ограничены узкими рамками — защита от насилия, воровства, мошенничества, обеспечение соблюдения договоров и т. п.», а любое государство с более обширными полномочиями «нарушает право человека на личную свободу от принуждения к тем или иным действиям и поэтому не имеет оправдания» (с. 11). Все социальные программы, призванные сгладить существующее неравенство, предполагают право одних людей на время и труд

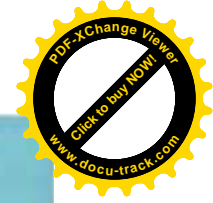
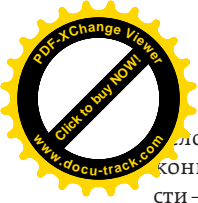
других, то есть, по сути, *частичное рабство*. И когда нам говорят, что неравенство несправедливо, можно ответить: ограничивать мою свободу, нарушать мои права собственности на себя и заставлять работать на других тоже несправедливо. Таким образом, Нозик реабилитирует старую либеральную идею «государства — ночного сторожа».

Но он идет дальше и утверждает, что достичь социального равенства и даже просто равенства возможностей *в принципе* нельзя без существенного ограничения свободы людей.

Давайте представим, что у нас существует спра-

ведливое общество. Сейчас нам не важно, каковы его принципы, важно, что *все* считают его справедливым. Для примера, допустим, что все блага распределены поровну. В город приезжает знаменитый футбольный игрок, билет на матч с участием которого стоит 500 рублей, причем 200 рублей с каждого билета идет в карман игроку из-за которого, собственно говоря, люди и рвутся посмотреть матч. После матча, на который пришло 10 000 человек, игрок получает 2 млн рублей. Можем ли мы сказать, что это несправедливо? Если да, то на каком основании? Ведь люди добровольно решили передать эти деньги игроку, их никто не заставлял идти на матч, просто они решили, что просмотр матча стоит этих денег. С другой стороны, очевидно, подобное перераспределение денег в городе нарушает принцип равенства возможностей. И если мы хотим его поддержать, придется либо запретить людям решать, на что тратить деньги (а вдруг опять все на матч пойдут?), либо же с определенной периодичностью проводить конфискации и новое перераспределение-уравнивание ресурсов. По той же причине придется запретить родителям передавать свой капитал детям (ведь тогда дети богатых родителей окажутся в более выгодном положении), придется запретить и подарки, особенно крупные. В общем, мы будем вынуждены существенно ограничить право людей свободно и по собственному усмотрению распоряжаться принадлежащим им имуществом. Вы согласны ради достижения равенства пожертвовать собственной свободой?

Подавляющее большинство теорий справедливости, по мнению автора книги, строятся по принципу «каждому по его...» — по его способностям, по его заслугам, по его вкладу, по его потребностям, и не учитывают, как исторически происходило распределение. Другое

... — предлагаемая им концепция справедливости — «теория, основанная на правах собственности» (entitlement theory). Она — «исторична» и заключается в следовании трем принципам: принципу справедливого присвоения ничейного имущества, принципу справедливого перехода имущества во владение другого человека и принципу исправления несправедливостей, совершенных в прошлом. То есть если вы когда-то справедливо завладели ничейной вещью, потом ее подарили другому, а он ее без обмана перепродал третьему лицу, — тот имеет право ею владеть.

Идея самособственности, без сомнений, привлекательна, но что она дает? — Станет невозможно использовать людей как средства. Но в то же время, добавляет Нозик, «человек вправе решить (или разрешить другому) сделать с собой *все что угодно...*» (с. 86). Получается, что соблюдение прав самособственности индивида автоматически не влечет за собой признание его «целью, а не средством»: человека вполне можно использовать как средство, если он дал на это свое согласие. В таком случае, например, мы не можем осуждать проституцию — согласно праву человека делать со своим телом все что заблагорассудится. Более того, и добровольное рабство окажется морально оправданным (с. 349)! Нужно отдать должное автору — в своей теории он вполне последователен. Но почему-то мое моральное чувство (а именно к нему — как и к моральному чувству любого другого читателя — апеллирует Нозик) противится такой логике.

Однако давайте посмотрим, что вообще подразумевается под «добровольным» и «свободным». «Являются ли действия индивида добровольными, зависит от того, что ограничивает доступные ему варианты» (с. 325). Если вы хотите взять себе в супруги определенного человека, но он (она) делает выбор в пользу вашего соперника (соперницы), и вы вынуждены отказаться от своих планов. Будет ли ваш отказ добровольным? Да, ведь ваш соперник (соперница) действовали в пределах своих прав. С такой логикой трудно не согласиться.

Но Нозик приводит и другой — аналогичный — пример. Если человек должен выбрать между трудом на унижительных условиях и голодной смертью, так как решения и действия всех остальных не оставили ему иных альтернатив, его выбор все равно свободен, если остальные люди действовали «добровольно и в рамках своих прав» (с. 325–326). «Когда человеку прихо-

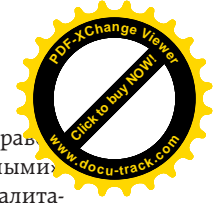
Владимир Сальников. Москва. Закат. 1999. Холст, акрил

дится делать выбор из вариантов разной степени отвратительности, нельзя считать его действия недобровольными на основании того, что другие добровольно совершали свой выбор и действовали в рамках своих прав таким образом, что не оставили ему более привлекательных вариантов» (с. 326). А когда выбора вообще не осталось и человеку приходится умереть? Если все действовали в границах своих прав, ваша смерть — это тоже «добровольный» выбор.

Получается, что автор предлагает нам лишь формально-правовую свободу. Но тогда рождается закономерный вывод: нарисованное справедливое общество тоже только *формально* свободное. И не выгоднее ли мне согласиться на некоторые ограничения, чтобы гарантированно обладать более реальной свободой управлять своей жизнью?

Одна из причин такого подхода у Нозика — социологический номинализм. Он считает, что общество — это простая сумма индивидов. «Нет никакого *общественного субъекта...* Есть только отдельные люди, разные люди, у каждого из которых собственная жизнь», и когда «индивида используют к выгоде других, это значит, что его используют, а выгоду получают другие. И ничего больше. Происходит только то, что с ним что-то делают ради других. Разговоры о благе всего общества скрывают этот факт. (Намеренно?)» (с. 56–57). Общество — это взаимовыгодное предприятие, где каждый, заключая сделку, рассчитывает пользу, которую он получит (не случайно люди в книге — этакое homo economicus до мозга костей). Помните, Маргарет Тэтчер заявляла, почти цитируя Нозика: «Нет никакого общества, есть только отдельные мужчины и женщины», — и резко сокращала социальные расходы?

Но Нозик, в отличие от своих политических последователей, осторожен, он очень вниматель-

отмечает те места, где не уверен в своей правоте или где его теория требует дальнейшей разработки. Тем более удивительна безусловная, почти фанатическая уверенность автора в существовании «невидимой руки», «нейтральности рынка» и возможности «нейтрального государства». Как-то даже неудобо напоминая, что нейтрального рынка не существовало никогда: ни во времена Адама Смита, когда появилась сама идея «невидимой руки», ни тем более в наше время, когда наличие монополий (которые, кстати, являются закономерным следствием развития свободного рынка) в корне подрывает все рассуждения о «честном соревновании». А апелляция к доказанному (!) Ф. Хайеком положению, согласно которому свободное капиталистическое общество с течением времени улучшает положение наименее обеспеченных в большей степени, чем любое другое, в свете результатов проведения неоллиберальной политики свободного рынка, вообще выглядит смешно¹. Нозик посвящает целый раздел книги дискредитации понятия утопии. Но разве честная свободная конкуренция на рынке, нейтральное правительство, государство, в котором экономические преимущества не дают политических, не утопия?

Утверждение, что свободное общество может быть построено только на основе частной собственности, корнями уходит к трактату Дж. Локка и относится к основополагающим принципам либерализма. Но давно известно, что в истории человечества существовали периоды, когда при господстве частной собственности никакой свободы для подавляющего большинства не было и в помине; достаточно вспомнить рабовладельческую Древнюю Грецию или фашистские режимы от Гитлера до Пиночета, где право частной собственности никто не отменял. Более того, каждый человек по собственной опыту знает — хотя и не всегда отдает себе в этот отчет, что частная собственность не только способствует свободе, но и ограничивает ее. Если берег моря приватизирован — вы не сможете искупаться; владелец дома может закрыть книжный магазин, подняв арендную плату — вы не сможете покупать книги; вместо детского сада рядом с вашим домом собственник земли построит высотку... Частная собственность ограничивает свободу как минимум не меньше, чем обеспечивает. Вопрос автора книги, заданный сторонникам эгалитаризма, стоит переадресовать уже ему самому: разговоры о преимуществах частной собственности скрывают эти факты. Намеренно?

Конечно, с историческими фактами концепция Нозика справиться совершенно не в состоянии. По этой причине ее вполне можно было бы и не принимать всерьез. Но тем не менее книгу следует читать, и не только убежденным (нео)либералам, но и их противникам. Ведь обычные возражения эгалитаристов, сводящиеся к декларации моральной неприемлемости неравенства, бьют в данном случае мимо цели. Нозик и не скрывает, что его теория ведет к неравенству. Да, скажет он, бедность и нищета — это плохо, но свобода — слишком важная ценность, чтобы жертвовать ею. Не случайно «Анархия, государство и утопия» привела в замешательство многих сторонников эгалитаризма. Определение справедливости Нозик дает в терминах свободы, и именно на этом основании утверждает: то, что

сторонники равенства считают справедливым, несправедливо. Кто же после уроков XX века с его «тоталитарными» режимами, захочет жертвовать свободой? А ведь эгалитаризм покушается именно на нее, утверждает Нозик с примерами в руках. И левым — сторонникам равенства — мало обманить автора и его концепцию в аморализме. Им необходимо доказать, что свобода не противоречит равенству. Из наиболее удачных попыток в этой области, следует назвать книгу канадского философа Джеральда Коэна «Самособственность, свобода и равенство»².

Напоследок, следуя автору, хочется провести один мысленный эксперимент. Представим, что государство согласно принципам правовой теории справедливости построено.

**НЕ ВЫГОДНЕЕ ЛИ МНЕ
СОГЛАСИТЬСЯ НА НЕКОТО-
РЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ, ЧТОБЫ
ГАРАНТИРОВАННО ОБЛА-
ДАТЬ СВОБОДОЙ УПРАВЛЯТЬ
СВОЕЮ ЖИЗНЬЮ?**

В нем собираются минимальные налоги — только для поддержания порядка. Не существует никаких государственных социальных программ. Каждый обладает только тем, что ему добровольно дают другие люди: за деньги, в обмен на какие-то услуги или просто из симпатии. Что же происходит с теми, кому нечего предложить другим? Что делают те, чьи услуги не ко-

тируются или котируются так низко, что деньги, которые они могут за них получить, слишком малы, чтобы не умереть с голоду? — Умирают. Добровольно. По своей вине — надо было воспитывать детей, которые бы им помогли, или обзавестись друзьями, которые сделали бы то же самое только из любви. А дети из бедных семей, лишенные медицинской помощи и возможности получить образование? А инвалиды и сироты? На самом деле у них есть шанс, ведь принципы Нозика не запрещают добровольные пожертвования. Наверняка в обществе найдутся филантропы, и они помогут. Вот только сколько их, филантропов-то? А сколько людей, нуждающихся в помощи?

Здесь я вновь последую примеру автора и оставлю это упражнение читателю.

Должна заметить, Нозик не скрывает, что его концепция не закончена и нуждается в доработке. Он признает, что третий принцип его теории — и самый важный! — принцип исправления совершенных ранее несправедливостей не разработан. Но «в отсутствие такого рассмотрения принципа исправления применительно к конкретному обществу нельзя использовать представленные здесь теорию и анализ для осуждения какой бы то ни было конкретной схемы перераспределительных выплат, если только не является совершенно ясным то, что эту схему не могут оправдать никакие соображения, связанные с исправлением несправедливостей. Хотя установить социализм в наказание за наши грехи и означало бы зайти слишком далеко, но прошлые несправедливости могут быть настолько велики, что для их исправления может быть необходимо кратковременное расширение государства» (с. 288).

Остается вопрос: а не противоречат ли первые два принципа — справедливого присвоения и передачи — третьему — справедливого исправления; ведь чтобы «исправлять», придется нарушить существующие на данный момент права собственности? Вспоминаю историю с футбольным игроком и аргументы автора по этому поводу, уточним вопрос: не придется ли их нарушать постоянно? Может, в самой концепции заложено неустранимое противоречие? ■

¹ См. об этом: ХАРВИ Д. *Краткая история неоллиберализма*. М., 2007.

² СОНЕН G. A. *Self-Ownership, Freedom, and Equality*. Cambridge, 1995.